

Дина Аманжолова

Крым в XX — начале XXI века

Dina Amanzholova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Crimea in the 20th — the beginning of the 21st century

DOI: 10.31857/S086956870005843-8

История Крымского полуострова в XX — начале XXI в. занимает пятый раздел «Истории Крыма», составляющий почти половину второго тома. В это время происходили наиболее фундаментальные трансформации всех сфер жизни государства и общества.

Содержательной доминантой раздела стали военно-политические события, освещение которых создаёт сложную и увлекательную мозаику борьбы разных сил и структур. Анализ драматических перипетий революции и Гражданской войны включает важные уточнения о роли Германии в сохранении раскола между крымскими и украинскими политическими деятелями. Авторы делают вывод о неспособности антисоветских сил и интервентов действовать солидарно и успешно, что приводило к очередным победам большевиков, поначалу также не отличавшихся эффективностью управления. Впрочем, это вообще было характерно для ранней истории советского строительства. Русский исход конца 1920 г., организованный бароном П.Н. Врангелем, несмотря на трагизм поражения белых, спас около 150 тыс. человек (с. 453) от организованного террора, жертвами которого, как уточняют А.С. Пученков и В.Г. Зарубин, стали 20—25 тыс. человек (с. 456).

В истории Крымской АССР, безусловно, представляет интерес

трактовка советской этнополитики в её региональном контексте. Объясняя причины создания автономии, А.В. Мальгин и Г.Н. Кондратюк справедливо обращают внимание на политику коренизации, главным образом применительно к крымским татарам, и на взаимоотношения их элиты с центром. Однако не поясняется, почему автономная республика, не получив в своём названии привязки к определённому этносу, воспринималась прежде всего крымско-татарскими деятелями как проект самоопределения второго по численности народа Крыма. Как следует из разных глав, в 1921 г. он составлял 25,9% всего населения (с. 462), в 1939 г. — 19,4% (с. 500). Удельный вес крымских татар в руководящем и административно-техническом персонале республики в середине 1930-х гг. достиг 18%, в ЦИК автономии в 1932 г. — 50,4%. В связи с этим необходимо более внятно объяснить специфику советского национального строительства в Крыму. Между тем в монографии нет достаточных доводов, объясняющих почему диспропорции вследствие коренизации в ущерб иным национальным группам стали «причиной острой политической борьбы в руководстве» республики (с. 486), в составе которого представителей этих групп практически не было.

Важной проблемой отечественной историографии остаётся вопрос

о феномене Крымской автономии в общесоюзной федеративной конфигурации и последствиях такого статуса после 1991 г. Оформленная как территория, но позиционировавшаяся в качестве этнополитического образования для крымских татар, такая конструкция, кажется, не встречала возражений в центре. Смысл данного альянса Москвы и региональной элиты авторы не поясняют.

В посвящённых Великой Отечественной войне главах заслуженное место заняли факты массового героизма и патриотизма крымчан, хроника боевых действий вплоть до освобождения Крыма весной 1944 г. и Ялтинской конференции. Например, хотя до войны на полуострове не было крупных военных заводов, предприятия Крыма, имевшего стратегическое значение, передали в действующую армию семь бронепоездов, 2,8 тыс. миномётов, 40 тыс. противотанковых и 150 тыс. противопехотных мин. В Крыму действовали 80 партизанских отрядов общей численностью около 12 тыс. бойцов и 202 подпольные организации, объединявшие более 2,5 тыс. человек. То, что во время оккупации Крыма не прекращалась борьба с противником со стороны партизан и подпольщиков, несомненно, имело политический смысл.

Освещаются и чувствительные по сей день проблемы коллаборационизма и характера германской политики на полуострове. Противоречивые планы главного нацистского идеолога А. Розенберга по расчленению СССР обернулись для Крыма оккупационным режимом, при котором русские, а затем украинцы и татары должны были оттуда выселяться. На основе многих новых источников О.В. Романько объективно показал попытки германизации Крыма и инструментарий «мягкой силы» но-

вого порядка, практику психологической обработки, прагматического использования религиозных чувств и вовлечения представителей разных национальностей в коллаборационистские формирования общей численностью до 50 тыс. человек (с. 571). В работе дана характеристика административного, политического и военного коллаборационизма. Сделан вывод, что все попытки украинских националистов (как легальных, так и нелегальных) украинизировать полуостров оказались весьма скромными по результатам. Показаны эволюция и масштабы нацистского террора, а также развитие и роль подпольного движения.

В ходе Холокоста на территории Крыма погибли около 40 тыс. евреев и крымчаков — все, кто оставался на начало оккупации, или более половины всего довоенного еврейского населения полуострова. С декабря 1941 по август 1942 гг. проводились массовые казни цыган, которые, по нацистской терминологии, относились к «асоциальным элементам». В итоге было уничтожено около 2 тыс. человек — большая часть цыганского населения Крыма. Во второй половине 1942 г. нацистский террор стал выборочным и принял политический характер. Очевидно, что в современных условиях воссоздание как можно более полного и объективного представления о решающей роли вооружённых сил СССР и советских людей всех национальностей в победе над нацизмом чрезвычайно актуально.

О.В. Волобуев осветил историю сталинских депортаций крымских татар, болгар, греков и армян. Наряду с гибелью мирных жителей вследствие военных действий и оккупации это стало одной из причин серьёзной нехватки трудовых ресурсов и активной политики переселения в Крым уже

с 1944 г. (с. 596—600, 605—608). Он также уточнил региональную специфику переселенчества и высказался об ошибочности идеи Э.И. Сеитовой по поводу провала данной политики в 1944—1953 гг. (с. 625—627).

Строго обоснованы и выводы учёного о политизации и некорректности оценки социально-экономического развития Крыма как депрессивного и дотационного региона, якобы именно поэтому переданного в состав УССР в 1954 г. (с. 629—636). Отнюдь не стремление избавиться от якобы плохо развитого экономически региона лежало в основе решения Н.С. Хрущёва. Факт за фактом излагая хронологию принятия решения, учёный приводит убедительные доказательства поспешности принятого под нажимом сверху перевода полуострова в состав другой союзной республики, без учёта мнения крымчан. Волюнтаристский акт и различия в его интерпретации, как верно резюмирует Волобуев, стали следствием неопределённости законодательной процедуры по поводу передачи части территории из одного субъекта федерации в другой. Та же неопределённость сыграла дурную роль и в судьбе Севастополя (с. 639—646). При этом попытки искусственной «украинизации» Крыма после 1954 г. провалились (с. 647—649), а организационное возрождение крымско-татарского движения, как пишет Р.И. Хаяли, обернулось волнообразным возвращением части татар на полуостров и попытками создания национально-культурной автономии (НКА) в Узбекистане. Правда, экстерриториальная суть самой идеи НКА игнорируется, поскольку в основе инициативных проектов крымских татар за пределами исторической родины лежал всё-таки территориальный принцип (с. 667—674).

Важно, что в монографии вносятся в научный оборот данные о роли гражданских активистов в политизации настроений общества на заключительном этапе советской истории Крыма. История распада СССР в её региональной конкретике пока почти не реконструирована. Между тем противоречия межэтнических отношений, отягощённые преступными действиями власти в 1930—1940-е гг., стали в Крыму фактором не только исторической памяти, но и политической практики. В этом отношении ценными представляются сведения об эксплуатации идеи воссоздания Крымской АССР крымско-татарскими организациями вопреки факту её регионального, а не этнополитического статуса. К сожалению, не прояснённым оказался вопрос о мотивах этих структур, претендовавших на перестроение автономии в моноэтническое образование, и о степени их поддержки среди крымских татар. Впрочем, столь же неопределённой, возможно, в силу пока недостаточной базы репрезентативных источников, осталась оценка поведения руководителей РСФСР и УССР в 1991 г., равно проигнорировавших итоги референдума среди крымчан по поводу независимости Украины.

Обзор событий в Крыму в постсоветской реальности вплоть до его воссоединения с Россией высвечивает весь комплекс узловых проблем становления государственности в бывших республиках СССР — от административно-территориальных, управленческо-организационных и политических до экономических и культурных. В силу исторически сложившихся уникальных особенностей в Крыму все они были связаны с этносоциальным фактором. В условиях транзита от жизни в составе сверхдержавы к автономии в рамках исторически

новой страны и в изменившейся геополитической реальности достаточно быстро проявились накопившиеся противоречия в институциональном оформлении и проявлениях культурно сложного общества, каковым являлось население полуострова — полиэтническое, многоконфессиональное, разделённое на множество социальных страт с подчас противоположными интересами, статусными позициями и возможностями. Эти обстоятельства провоцировали часть внутренних и внешних сил на использование специфических условий «места и времени» далеко не в интересах народов и самого украинского государства, оказавшегося не способным успешно решить ни одну из стоявших перед ним ключевых задач, во многом вследствие низкой социальной и политической ответственности его правящего класса.

Всеохватная панорама истории полуострова позволила авторам книги изложить основные результаты исследований нескольких поколений

учёных и показать современное состояние научного изучения прошлого Крыма. В целом рецензируемая монография позволяет составить полное представление о важнейших событиях, проблемах и достижениях региона и населяющих его народов. Коллектив авторитетных специалистов обеспечил синтез источниковой базы и научных исследований по истории полуострова как органичной части российской историографии. В большинстве глав строгость научного анализа сочетается с простотой стиля изложения, что делает книгу доступной для массового читателя. Некоторые упущения, касающиеся истории определённых сфер жизни на разных отрезках развития полуострова, могут стимулировать дополнительные изыскания. В целом первая научная обобщающая «История Крыма», несомненно, окажется полезной для историков, археологов, этнографов и всех, кто интересуется прошлым этого уникального российского региона.

Антон Короленков

Anton Korolenkov

(State Academic University for Humanities, Moscow, Russia)

Рец. на: W.K. Hanak. The Nature and the Image of Princely Power in Kievan Rus', 980—1054. A Study of Sources. Leiden; Boston: Brill, 2014. XVIII, 203 p.*

DOI: 10.31857/S086956870005871-9

Что собой представляла власть киевского князя во времена Владимира Святославича и Ярослава Мудрого, в силу скудости источников всегда будет предметом дискуссий. Американский исследователь Уолтер Ханак (уже, увы, покойный) на стра-

ницах монографии «Характер и изображение княжеской власти в Киевской Руси. 980—1054 гг. Исследование источников» представил собственное видение проблемы, особое внимание обратив на образ княжеской власти в древнерусских материалах XI—XII вв.

* Ханак У.К. Характер и изображение княжеской власти в Киевской Руси. 980—1054 гг. Исследование источников. Лейден; Бостон: Брилль, 2014. XVIII, 203 с.